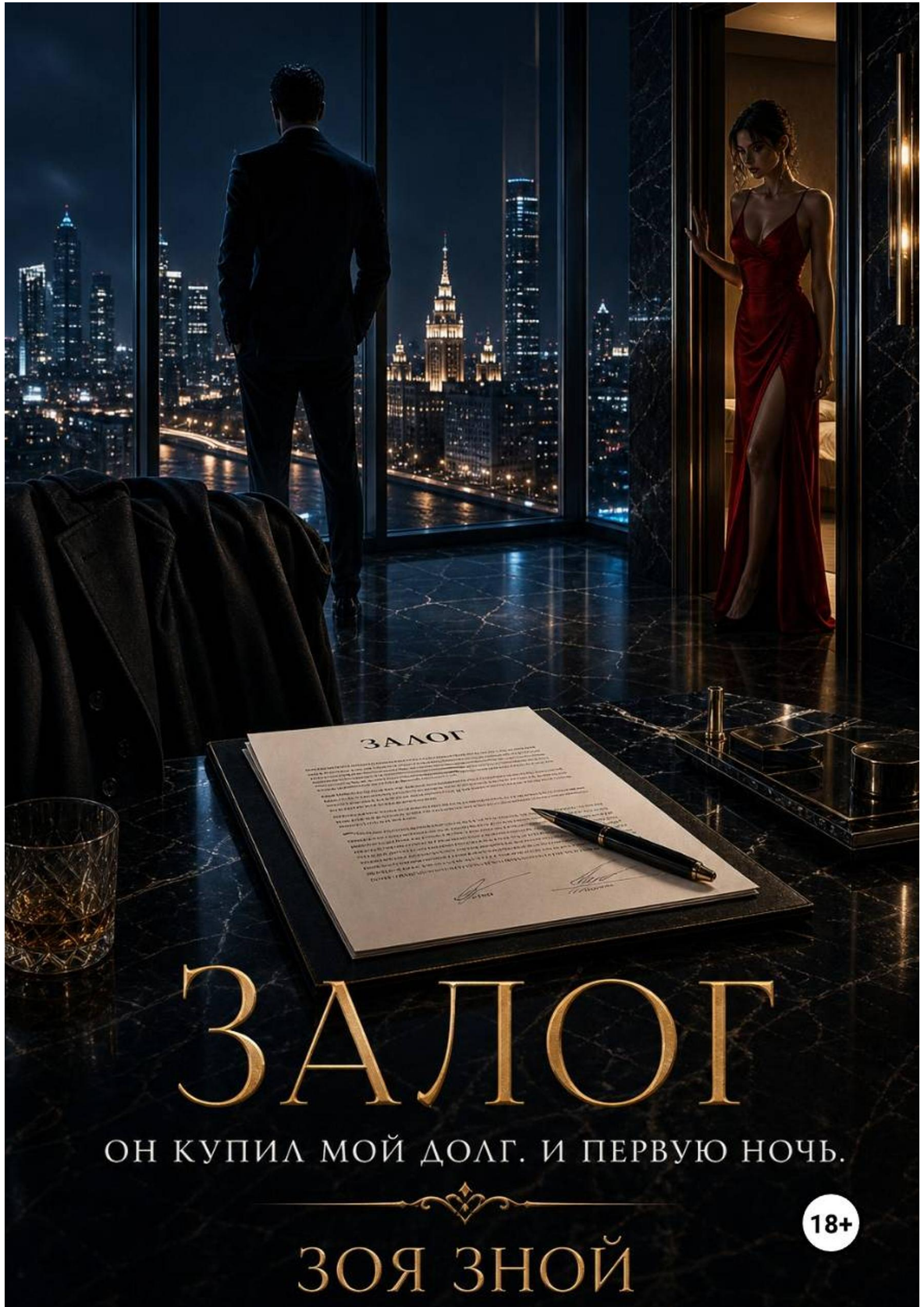

ЗАЛОГ

ЗАЛОГ

ОН КУПИЛ МОЙ ДОЛГ. И ПЕРВУЮ НОЧЬ.

Зоя Зной

18+

Зоя Зной

Залог

«Автор»

2026

Зной З.

Залог / З. Зной — «Автор», 2026

Милена Орлова проигрывает за столом четырнадцать. Лев Воробьёв: «Ваш долг куплен.» Девяносто ночей. Полночь. Сорок седьмой. «Скажите нет — остановлюсь.» Она приходит ради отца. Остаётся, потому что тело отвечает раньше гордости. Когда контракт кончится — правда о столе только начнётся.

© Зной З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 · Пролог	6
Глава 2 · Долг	9
Глава 3 · Контракт	12
Глава 4 · Отец	15
Глава 5 · Вера	18
Глава 6 · Офис	21
Глава 7 · Первое сообщение	23
Глава 8 · Ночь 1	25
Глава 9 · Ночь 2	28
Глава 10 · Ночь 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Зоя Зной Залог

© 2026 Зоя Зной. Текст создан с помощью нейросети с последующей авторской правкой.

18+

Глава 1 · Пролог

Стол четырнадцатый принадлежит мне, хотя в реестре числится нейтральным. Дуб потёрт там, где игроки кладут локти. Марк раздаёт, не поднимая глаз, а я смотрю не на карты, а на зал.

Она вошла двадцать минут назад в тёмном офисном платье и сняла пальто, будто ей всё равно, кто смотрит. Прямые волосы ничем не заколоты. Я узнал её раньше, чем она дошла до бара.

За эти двадцать минут она ни разу не заказала алкоголь. Взяла воду, проверила цену на фишках и осмотрела камеры. Аудитор остаётся аудитором даже у края пропасти. Рыжая подруга говорила быстро, Милена отвечала односложно. На стол легла первая купюра, потом вторая. Она каждый раз разглаживала их большим пальцем, словно возвращала бумаге порядок.

Три года назад. Аудит «Золотого Каре». Милена Орлова, двадцать пять, голос как лезвие: «Господин Воробьёв, в вашей отчётности три дыры. Вы выбираете: налоговая или пресса». Зал тогда был другим, кабинет вместо казино. Она победила. Я заплатил репутацией. С тех пор «Каре» чистое, как стекло. Как моя вежливость.

Сегодня она проигрывает.

Не сразу. Сначала она ставит осторожно, понемногу, и пальцы у неё не дрожат. Рыжая подруга рядом тянет её за локоть: «Мил, хватит». Милена не слушает. Я знаю этот взгляд. Ею движет не азарт, а отчаяние. Долг. Отец. Что-то, о чём нельзя говорить у барной стойки.

Перед каждой ставкой она считает. Не вероятность выигрыша, это было бы разумно. Она вычитает проигранное из какой-то суммы, известной только ей, и решает, достаточно ли следующей удачи, чтобы спасти всё сразу. Отчаявшиеся люди верят не в удачу. Они верят, что одна правильная цифра способна отменить все предыдущие.

Марк едва кивает мне. Я не отвечаю. Она должна дойти до нуля сама. Я не подкручиваю ради денег. Причина в первом пункте контракта, уже написанном у меня в голове: *полночь, сорок седьмой, без пальто под пальто*.

В кармане пиджака лежит копия долговой расписки Георгия Орлова. Два с половиной миллиона, просрочка, залог клиники. Сегодня утром прежний кредитор согласился уступить долг за семьдесят процентов. Не из щедрости. После звонка Марка люди обычно быстро вспоминают цену наличных.

Я мог закрыть долг сам и прислать ей квитанцию. Она вернула бы деньги до копейки, взяла бы вторую работу, перестала бы спать. И больше никогда не вошла бы в «Каре».

Мне нужен был не долг.

На сорок седьмом уже лежит папка. Девять пунктов, составленных так, чтобы каждое действие требовало отдельного согласия. Мой юрист трижды спросил, зачем оставлять ей возможность отказаться внутри договора, построенного на невозможном выборе. Я не ответил. Некоторые границы нужны не закону.

Три года назад она сидела напротив в сером костюме и листала мои счета. Ни разу не посмотрела на часы. В два ночи секретарь принёс кофе, она отодвинула чашку и нашла перевод, который пропустили трое моих юристов.

Она положила палец на строку.

— Это подтасовка.

— Это управление риском.

— Нет. Управление риском заканчивается там, где начинается ложь.

Тогда мне хотелось выставить её за дверь. Вместо этого я исправил отчётность, уволил финансового директора и три года следил, как фамилия Орловой поднимается в списке аудиторов. Она не знала. Не должна была.

Сегодня Марк положил передо мной её заявку на вход в закрытый зал.

— Сама подала. Проверил дважды.

— Отец?

— Клиника. Срок завтра.

Я попросил подготовить стол четырнадцатый и запретил охране останавливать Веру. Милена должна была войти сама. Сделать ставки и подписать тоже сама. Иначе это не выбор, а похищение. Разницу я привык учитывать, даже когда никто больше её не видел.

Но честной она не была. Я купил долг заранее, знал про отказ банка и отцовскую подпись на расписке. Оставил ей дверь и рассчитал, почему она ею не воспользуется.

Я не называю это справедливостью.

Она берёт очередную фишку. На внутренней стороне запястья бьётся жилка. Я замечаю и отвожу глаза на карты.

Рано.

Фишки уходят. Последняя означает всё. В закрытом зале слышно даже кондиционер. Раздача. У неё старшая пара, у дилера фулл-хаус.

Она не кричит. Не плачет. Смотрит на пустое место перед собой, будто там ещё лежали её три года карьеры и последняя гордость.

Вера кладёт ладонь ей на плечо. Милена вздрагивает, и я впервые замечаю, как сильно она устала. Под глазами след от недосыпа, на правом рукаве блестит крошечное пятно от кофе. Значит, пришла прямо с работы. Значит, до последней минуты надеялась решить всё нормальным способом.

Марк собирает карты и на секунду задерживает ладонь над колодой. Наш старый знак: можно отменить раздачу, вернуть ставку, назвать техническую ошибку.

Я качаю головой.

Если сейчас спасу её без цены, она возненавидит меня и уйдёт. Если предложу цену, возненавидит сильнее.

Зато останется.

Мысль имеет вкус старого виски: горечь сначала, тепло потом. Я ставлю стакан на поднос, не выпив. Сегодня мне нужна точность.

Я впервые за вечер обращаюсь к ней:

— Госпожа Орлова. Ваш долг перед «Каре» куплен.

Зал поворачивается сразу, она медленно. Карие глаза сухие, в них не страх, а злость. Хорошо. Злость держит дольше, чем слёзы.

— Мы не играли с вами.

Я подхожу ближе, чем нужно для делового разговора.

— Играли с домом. Дом здесь я.

Подруга шепчет что-то про адвоката. Милена не двигается.

— Следуйте за мной. Иначе полиция по статье долга. Вы знаете сумму.

Она знает. Я вижу, как просчитывает: клиника отца, ипотека, её зарплата × ноль.

Злость в её глазах меняется. Не исчезает, становится холоднее. Три года назад именно так она смотрела на поддельный платёж: не на проблему, а на человека, который её создал. Теперь этим человеком был я.

Она поворачивается к подруге.

— Вера, уезжай.

— Мил...

— Уезжай.

Я веду её через зал мимо камер и красных огней. Лифт В только мой. На сорок седьмом стекло, город, контракт на столе. Она ещё не знает, что подпись станет началом.

В лифте она прижимается к противоположной стене. От неё пахнет недорогими духами, оставшимися с рабочего утра, и страхом, которого она не показывает.

— Это незаконно.

— Это залог. Девяносто ночей. Пункты в приложении. Вы читаете. Вы решаете.

— А если нет?

— Тогда полиция. И отец без клиники.

Она сжимает кулаки. Я хочу, чтобы она ударила. Не ударит. Аудиторы бьют цифрами.

Двери открываются. Сорок седьмой. Огни Москвы россыпью лежат под стеклом.

— Полночь завтра. Сегодня только бумага.

Она входит, я остаюсь в коридоре. Марк приносит виски.

Через матовое стекло видно, как она подходит к столу и не садится. Сначала читает стоя. На второй странице снимает туфли, потому что устала, но продолжает читать. На пятой достаёт телефон и фотографирует каждый пункт. Хорошо. Я ждал именно этого.

На восьмой странице она замирает над условием о слове «нет». Палец дважды проходит по строке. Потом Милена смотрит на дверь, и даже через стекло я чувствую этот взгляд.

Марк кивает на дверь.

— Она узнала вас?

— Да.

— Тогда зачем?

Я смотрю на закрытую дверь.

— Три года назад она сказала мне «нет». Я запомнил.

Глава 2 · Долг

Отец звонил в шесть утра — значит, не спал. Я слышала в трубке не голос, а провалы между словами. За три года аудита я выучила: когда клиент так молчит, там уже убыток.

— Милена.

— Я здесь, — сказала я. Кофе остывал. На втором мониторе — таблица «Север-Аудит», проект «Лотос», строка четыреста двенадцать, где у них «случайно» потерялся НДС.

— Не приезжай в клинику. — Он помолчал. — Не сегодня. Может, не... скоро.

— Сколько?

— Два с половиной. — Он выдохнул. — Мил, это не твоя...

— Я спросила «сколько», не «чья вина».

Он положил трубку. Не злость — стыд. Я знала этот стыд: он пахнет антисептиком и старыми халатами, как детство, которое не просит помощи, только деньги.

Я встала. Ноги сами понесли на балкон — девятый этаж, Химки, серое небо. Два с половиной миллиона. Двадцать моих зарплат, если не есть. В кредите отказали: «высокая нагрузка». Продать квартиру нельзя: мать оформила её на меня перед смертью, отец сохранил право проживания.

Вера написала в семь:

«Жива? Отец опять?»

«2.5»

«Мил. Нет. Мы не играем в героев. Я знаю юриста.»

«Знаю. Не поможет.»

В девять я уже была в офисе. Начальник Крылов встретил меня галстуком, блестящей лысиной и запахом дешёвого одеколона, который он принимал за запах власти.

— Орлова, «Лотос» к пятнице. И... — он не смотрел. — Слухи про отца. Если нужен аванс — не сейчас.

— Не нужен, — сказала я.

— Хорошая девочка.

Я улыбнулась так, как улыбаются клиентам перед тем, как найти им налоговую бомбу.

На обед была булка. Вера приехала сама и ворвалась в общий зал, рыжая и яркая, как пожарная тревога в нашем сером здании.

— Ты не пойдёшь в «Каре», — сказала она.

— Откуда ты...

— Я твой адвокат, не идиотка. Георгий звонил мне тоже. Он думал, я тебя удержу.

— А ты?

— Я удержу. — Она села на стол. — «Каре» — это Воробьёв. Лев Воробьёв. Ты же его...

— Разнесла на аудите. Да. Три года назад.

— Мил. Это не месть. Это мясорубка.

Я знала. Я читала отчётность «Золотого Каре» до дыр — потом моя подпись уничтожила половину его схем. Он не смотрел на меня в зале суда. Смотрел на бумагу. Как будто я — строка.

— Одна ночь, — сказала я. — Выиграю — закрою часть. Проиграю — узнаю, что дальше.

— Проигрыш там — не «узнать». Там — подвал и камеры.

— Вера.

— Ладно. — Она сжала мою ладонь. — Я с тобой. Одна фишка — и уходим.

Я кивнула. Врала. Уже знала: одной фишкой не остановишься, когда отчаяние решило за тебя.

Вечером я надела чёрное офисное платье, совсем не подходящее для казино, и впервые за месяц распустила волосы. «Каре» встретило нас золотом, красным светом, запахом денег и чужих духов. Вера в зелёном казалась слишком яркой, почти предупреждающей.

— Стол четырнадцать, — сказала хостес. — Закрытый зал.

— Мы не...

— Приглашение, — она улыбнулась. — Именное. Орлова и гость.

Я замерла. Вера посмотрела на меня.

— Ты ничего не заказывала?

— Нет.

— Тогда это он. Или кто-то, кто знает твоё имя.

Стол четырнадцатый — в глубине. Дуб. Мужчина в тёмном — не играет, смотрит. Лицо — знакомое из новостей и кошмаров: седина на висках, челюсть, шрам на ключице, едва видный под воротником.

Лев Воробьёв.

— Мил, — шепнула Вера. — Назад.

— Поздно, — сказала я.

Он встал. Не подошёл. Ждал, пока я сама дойду, — как в суде три года назад.

— Госпожа Орлова, — сказал он. — Стол свободен. Удача любит тех, кто уже проиграл.

— Я не проиграла, — сказала я. — Я ещё не играла.

— Тогда играйте.

Я села, Вера устроилась рядом. Марк раздавал карты точными руками хирурга. Фишки холодили пальцы. Первую ставку я сделала минимальной, вторую подняла. Пульс оставался ровным, пока я рассчитывала риск и вероятность, словно это всё ещё была работа.

Я выиграла три раза. Вера выдохнула:

— Хватит. Уходим.

— Ещё раунд.

— Мил!

Всё. Я не слышала её. Слышала только отца: *не приезжай*. Как будто клиника уже закрыта. Как будто два с половиной — единственная цифра в мире.

Карты. Пара королей. У дилера — фулл-хаус.

Ноль.

Зал продолжал шуметь, но до меня звуки не доходили. Так было, когда умерла мать: мир двигался, а я смотрела сквозь него.

— Госпожа Орлова, — голос за спиной. — Ваш долг куплен.

Я не оборачивалась сразу. Знала, чей голос. Три года хранила его в голове, как строку, которую не удалить.

— Встать, — сказала я Вере. — Уезжай.

— Нет.

— Уезжай. — Я посмотрела на неё. — Это мой долг.

Воробьёв ждал у стола. Не улыбался. Не торжествовал. Смотрел так, будто я — не победа. Задача.

— Следуйте, — сказал он.

Я последовала за ним на ватных ногах. Внутри не было ни возбуждения, ни даже страха, только пустота. И она оказалась хуже.

Лифт В. Зеркало. Мы — он и я. Вера осталась внизу — я слышала её крик, охрана — вежливо, как стена.

— Это незаконно, — сказала я в отражение.

— Это залог, — сказал он. — Десяносто ночей. Читайте. Решайте.

Двери открылись на сорок седьмом. Стекло. Город. Стол — контракт, ручка, виски — один бокал, не для меня.

— Подпишите — или полиция и отец без клиники, — сказал он. — Полночь начинается завтра. Сегодня — только выбор.

Я взяла ручку. Рука не дрожала. Аудитор не дрожит над подписью. Даже когда продаёт себя.

Я подписала, и сухой щелчок ручки прозвучал громче музыки этажом ниже.

Он не касался меня. Кивнул. Ушёл в другую комнату — дверь закрылась без звука.

Я стояла одна на сорок седьмом. Контракт — тёплый от моей ладони. Пункт один, мелкий шрифт:

«Каждую ночь в 00:00 наследница долга явится на 47 этаж. Пальто — единственная верхняя одежда. Пункт 2–9 — см. приложение. Отказ — см. уголовный кодекс и пункт 10.»

Телефон мигнул — Вера:

«Где ты. Мил. ОТВЕТЬ.»

Потом — отец:

«Доченька, прости.»

Я не ответила. Смотрела на город. Где-то там — клиника. Здесь — моя подпись и первый приказ: завтра, в полночь, только пальто.

Глава 3 · Контракт

Контракт на столе пах дорогой бумагой, а не чернилами. Такой запах бывает у документов, которые подписывают, когда отступать уже поздно. Я стояла у стекла на сорок седьмом этаже, и город за окном мигал ровно, будто камеры «Каре» считали мои вдохи.

Подпись ещё не высохла. Пункт один я знала наизусть — мелкий шрифт, полночь, пальто, больше ничего под ним. Остальное — приложение. Я не читала. Он ушёл в другую комнату, дверь закрылась без звука, и я осталась одна с городом и собственной рукой на бумаге.

Шаги за спиной — не его. Тяжёлые, ровные. Дверь открылась без стука.

Лев Воробьёв — без пиджака, рубашка расстёгнута на одну пуговицу. Запах виски и сухого табака, как в кабинете, где деньги не пахнут, а просто лежат.

— Вы не ушли, — сказала я.

— Не прочитали.

Он сел напротив, оставив между нами весь стол. Переговоры предполагали две равные стороны, а здесь одной из сторон была я, другой — человек, которому меня отдали в залог.

На столе — второй экземпляр, ручка, бокал виски — один, не для меня. Он не предлагал. Я и не ждала.

— Пункт один вы видели, — сказал он. — Читайте вслух. С двойки.

Я подняла лист и начала читать ровно, без дрожи. Так зачитывают клиенту плохие новости, оставляя ему время осознать ущерб.

— «Пункт 2. Наследница долга обязана явиться на сорок седьмой этаж ежедневно в 00:00. Допустимое опоздание — пятнадцать минут. Каждая минута сверх — фиксируется охраной. Три опоздания сверх лимита за календарный месяц приравниваются к пропуску ночи.»

— Понятно?

— Я умею читать часы.

— Пункт 3.

— «Верхняя одежда — только пальто. Иное — по указанию кредитора, в том числе в сообщении не позднее чем за пять минут до полуночи. Отказ исполнить указание — нарушение.»

Он кивнул. На руке, лежавшей на столе, не было кольца. Из-под воротника выглядывал белый шрам, и я разлилась на себя за то, что снова его заметила.

— Дальше.

— «Пункт 4. С момента пересечения порога резиденции до разрешения кредитора на уход наследница долга не покидает сорок седьмой этаж. Попытка самовольного выхода — нарушение. Разрешение может быть отозвано.»

Я подняла глаза.

— Вы держите меня запертой.

— Я держу договор.

Он произнёс это без угрозы, почти буднично. От этого стало не легче.

— Пункт 5, — сказала я, не отводя взгляда. — «Темп и характер физического контакта определяет кредитор. Наследница долга вправе произнести «нет» — после чего контакт прекращается до следующего указания. Одно «нет» за ночь не освобождает от явки.»

Он не моргнул.

— Запомните последнее предложение.

— Запомнила. — Я перевернула страницу. Бумага — холодная под пальцами. — «Пункт 6. Наследница долга обязана отвечать на прямые вопросы кредитора устно, без пауз, превышающих десять секунд. Уклонение — нарушение.»

— Десять секунд — много. В следующий раз — пять.

Я сжала лист. Не ответила. Считала в голове: Крылов, «Лотос», строка четыреста двенадцать. И ещё одна подпись, которая превращает меня в ложь на рабочем столе.

— Семь, — сказал он.

— «Пункт 7. Профессиональная деятельность наследницы долга не приостанавливается. Конфликт интересов раскрывается работодателю в течение сорока восьми часов с момента подписания. Соккрытие — основание для досрочного взыскания.»

— Сорок восемь часов. Завтра — десять утра. Ваш начальник.

— Я сама приду.

— Лучше. — Он откинулся на спинку стула. — Восемь.

— «Пропущенная ночь не переносится. Три пропуска без уважительной причины, подтверждённой кредитором, — досрочное взыскание полной суммы долга и передача материалов в правоохранительные органы.»

— Девять.

— «Кредитор обязуется не разглашать условия договора третьим лицам, за исключением случаев, предусмотренных пунктом десять. Наследница долга не вправе обсуждать содержание договора с кем бы то ни было, включая родственников. Нарушение — штрафная ночь.»

— Штрафная?

— Дополнительная.

— И моё «нет»?

— Действует всегда.

Желудок всё равно сжался. Я ненавидела, что при его коротком ответе по коже прошёл жар: будто даже сохранённая граница теперь принадлежала ему.

— Десятый пункт, — сказала я. — Вы не дали читать.

— Десятый — для крайних случаев. — Он встал. — Девятый вы дочитали?

— «Договор считается исполненным по истечении девяноста ночей при отсутствии нарушений либо при досрочном погашении долга в полном объёме. После исполнения наследница долга освобождается от обязательств. Кредитор не сохраняет прав на...» — я остановилась. — «...на тело, голос и время наследницы долга.»

— Закончите.

— «...за исключением долгов, возникших после даты подписания.»

Он подошёл к сейфу у стены — открыл, убрал мой экземпляр. Щелчок металла — как печать на судебном решении.

— Сегодня — не полночь, — сказал он. — Сегодня — вы едете домой.

— Я думала...

— Вы думали, что пункт один — сегодня. — Он взял пальто с вешалки — моё, чёрное, офисное. Протянул, не касаясь пальцев. — Я сказал: завтра. Вы не слушали. Привыкайте слушать.

Я накинула пальто. Под платьем — бельё, ткань, нормальность. Стыдно, что облегчение пришло от этого, а не от слов «едете домой».

— Костя проводит до такси, — сказал он. — Лифт В. Камеры в такси — мои.

— Конечно.

— Орлова.

Я обернулась у двери. Спина — к стеклу, лицо — к нему. Он стоял у стола, силуэт против огня.

— Завтра в полночь — только пальто. Больше ничего. Если сомневаетесь — перечитайте пункт три.

— А если я не приду?

— Тогда пункт восемь и звонок вашему начальнику одновременно.

Он не подошёл. Не коснулся. Не сказал «хорошей ночи». Просто остался у стола — как фишка, которую ещё не выложили.

В лифте Костя стоял у кнопки, лицо — камень. Зеркало показало меня: карие глаза, губы сжаты, пальто на плечах, под которым ещё есть платье.

— До такси, — сказал он.

— Знаю.

Телефон — двенадцать пропущенных от Веры. Один от отца. Я не открывала. Смотрела на цифры этажей: 47, 40, 28... Каждый — минус один до полуночи.

Такси — чёрное, без опознавательных знаков. Камера под зеркалом мигала красной точкой, как индикатор записи на проверке. Я села, откинулась. Кожа под пальто вспотела от душного зала, не от него.

Дома, в Химках, я разложила на столе фото контракта — копию, которую успела сделать, когда он отвернулся к сейфу. Пальцы — на экране, увеличение. Пункт пять. «Вправе произнести нет».

Я произнесла в пустую комнату:

— Нет.

Слово звучало правильно. Тело — не поверило.

За окном серел первый свет. На экране оставался пункт пять и моё отражение поверх него.

Завтра я должна была проверить, поверит ли он слову «нет» так же, как моей подписи.

Глава 4 · Отец

Такси остановилось у подъезда в шесть утра. Я не спала — не потому что боялась сна, а потому что сон требует, чтобы завтра существовало что-то кроме полуночи.

Ключ повернулся только с третьего раза. Руки узнавали родную дверь, а голова всё ещё оставалась на сорок седьмом.

Квартира пахла остывшим кофе и пылью на батарее. На столе стояла тарелка с недоеденным супом. Отец был здесь совсем недавно: бросил ложку на краю так, будто руки после операции ещё не слушались.

Телефон завибрировал, пока я снимала пальто. Георгий Орлов. Я смотрела на экран, как на строку в отчёте с красным выделением.

Ответила.

— Милена.

— Ты дома, — сказал он без вопросительной интонации. Голос оставался таким же, как два дня назад в шесть утра: усталым, словно даже слова пропахли антисептиком.

— Дома.

— Я... — он замолчал. В трубке — шум клиники, далёкий, как чужая жизнь. — Прости.

Слово ударило не болью. Стыдом — моим, не его. Стыдом дочери, которая знает, что «прости» не закрывает два с половиной миллиона.

— За что именно? — спросила я. — За долг? За то, что не позвонил до «Каре»? За то, что молчал, пока я подписывала?

— Мил...

— Скажи.

Он выдохнул. Я представила его кабинет — белые стены, диплом, руки, которые спасают чужих и не умеют просить у своих.

— Я думал, что успею, — сказал он. — Реструктуризация. Партнёр из ОАЭ. Я не знал, что они... что ты...

— Что я проиграла.

— Доченька, я бы отдал всё. Почку, если бы...

— Не надо, — сказала я. — Почки не принимают в «Каре».

Он не рассмеялся. Я и не ждала.

— Тебе нужны деньги? — спросил он тихо. — Я могу...

— У тебя нет. — Я прошла на кухню, включила чайник. Пар — единственное тёплое, что не требовало объяснений. — И не спрашивай, откуда у меня будут. Ты не захочешь ответ.

— Милена, если это тот человек... Воробьёв...

— Это он.

Он молчал дольше десяти секунд из контракта. Я считала. Аудитор привык.

— Три года назад ты читала про него в новостях, — сказала я. — «Казино закрыло схему». Это была я. Он помнит.

— Боже.

— Бога в контракте нет. Есть пункты.

— Какие пункты? — голос дрогнул. — Мил, ты не должна...

— Я уже должна. — Чайник закипел. Свист — как сигнал на операционном столе. — Не приезжай сегодня. Не завтра. Если позвонишь — говори по делу. Клиника. Цифры. Не «прости».

— Я не хотел...

— Знаю. — Я выключила плиту. — Я тоже не хотела. Мы оба не хотели. А долг — хотел.

Он молчал. Потом — тихо, как перед сном в детстве:

— Я тебя люблю.

— Я знаю, — сказала я. — Но долг от этого не исчезнет.

Трубку он не положил первым. Я положила я.

Стояла у окна. Химки просыпались — машины, голуби, женщина с коляской. Обычный мир, в котором дочери не подписывают себя кредитору с шрамом на ключице.

В ванной я долго мыла руки почти закончившимся маминым мылом с запахом лаванды. Кожа покраснела, хотя под ногтями не было грязи. Просто казалось, что подпись всё ещё на мне и водой её не смыть.

Зеркало. Карие глаза. Тёмные волосы — растрёпаны, как после «Каре». Я смотрела на себя и думала не о красоте. О цене.

Стыд — не от наготы, которой ещё не было. От того, что отец сказал «прости», а я не смогла ответить «я прощаю». Потому что прощение — строка, которую нельзя закрыть без акта. А акт — девяносто ночей.

Телефон — Вера:

«ЖИВА???»

«Дома»

«Открывай. Я внизу. Кофе. И адвокат.»

Я не ответила «открывай». Спустилась сама.

Вера стояла у подъезда — зелёное пальто, глаза — красные, не от мороза. В руке — два стакана и папка.

— Ты выглядишь как после налоговой с сюрпризом, — сказала она.

— Хуже.

— Расскажешь?

— Нет.

Мы поднялись молча. Вера не давила — пока. Знала: когда я молчу, давление только уплотняет ложь.

На кухне она поставила стаканы. Открыла папку — не контракт. Распечатка статей. «Долговое обязательство». «Принуждение». «Оспаривание сделки».

— Это не сделка, — сказала я. — Это залог.

— Мил, ты...

— Подписала. Девяносто ночей. Сорок седьмой этаж. Полночь.

Вера побледнела. Кофе она не тронула.

— Он тебя...

— Сегодня — нет. — Я сказала это до её вопроса. — Завтра — полночь. Пункт один.

— Я поеду с тобой.

— Пункт девять. Не обсуждать с кем бы то ни было.

— Я не «кто бы то ни было».

— Вера.

Она села. Пальцы — на папке, белые.

— Тогда я найду законный способ тебя вытащить.

— Ищи. — Я взяла стакан. Горький, без сахара. — Но пока ищешь — не звони отцу.

Он и так сломен.

— Он звонил?

— «Прости».

Вера закрыла глаза.

— Идиотка с сердцем-таблицей, — прошептала она. — Ты же знала, что он...

— Знала, что он не спасёт. Не знала, что продаст без цены.

— Что?

— Ничего. — Я отпила. — Ошибка. Не твоя.

Она смотрела так, будто хотела вскрыть меня, как дело. Я не давала.
Вера ушла через час. Оставила папку. Оставила номер юриста — «на всякий».
Я осталась одна. На столе — её стакан, недопитый. Мой — пустой.

Телефон снова вспыхнул. Отец написал:

«Клиника держится. Не беспокойся. Прости ещё раз.»

Я набрала ответ. Стерла. Набрала снова:

«Держись. Я разберусь.»

Отправила. Профессиональная ложь: клиенту показываешь одну цифру, пока ищешь другую.

Легла днём — на диван, в одежде. Снилась не «Каре». Стол четырнадцатый. Руки отца на операционном. Голос Льва: *завтра*.

Проснулась в семь вечера. Тело — тяжёлое. Между ног — ничего. Только пустота и память о слове «полночь», которое он произнёс, не касаясь.

Я заставила себя встать, сходила в душ и приготовила костюм на завтра. Чёрное пальто осталось висеть на крючке.

В 10:00 меня ждал Крылов. В полночь — Воробьёв.

Глава 5 · Вера

Вера пришла без звонка в восемь утра, когда я ещё делала вид, что завтракаю кофе и тремя строками в «Лотосе». Она открыла дверь ключом, который я дала ей пять лет назад «на случай конца света».

— Конец света наступил, — сказала она, входя. — Ты молчишь. Это хуже, чем плакать. Я не подняла глаз от ноутбука.

— Работаю.

— Ты не работаешь. Ты застыла. — Она поставила на стол булочки из той пекарни у суда, где мы праздновали мою первую выигранную проверку. Ешь.

— Не голодна.

— Милена.

Я закрыла ноутбук. В погасшем экране отразились мы обе: я бледная, Вера яркая и неспособная тревожиться тихо.

— Говори, — сказала Вера. — Всё. С первой буквы до подписи.

Я молчала и смотрела на сахарную корочку, воплощение нормальности.

— Ладно, — сказала она. — Я говорю, ты поправляешь.

— Вера...

— Ты проиграла два с половиной. Воробьёв купил долг. Тебя подняли на сорок седьмой. Контракт на девяносто ночей, полночь, пальто, без... — она стиснула зубы. — Без остального. Пункты два–девять похожи на рабство с юридической обёрткой. Отец просит прощения, а ты сидишь дома, не спишь, не ешь и нормально мне не отвечаешь.

— Всё верно? — спросила она.

Я кивнула. Один раз.

— Тогда объясни, — голос поднялся, — почему ты не дала мне копию. Почему не поехала в полицию. Почему сидишь, как...

— Как купленная, — закончила я.

— Я не это хотела сказать.

— Хотела. И права.

Вера прошлась по комнате. Каблуки стучали громко, как в суде, когда она ещё мечтала о трибуне, а не о корпоративных договорах.

— Он тебя трогал?

— Нет.

— Обещаю, если соврёшь...

— Нет, — сказала я. — В первую ночь была только бумага. Он ушёл и сказал: завтра.

— Завтра — когда?

— Полночь. — Я встала, чувствуя неожиданную твёрдость в ногах. — Лифт Б. Пальто. Больше ничего.

Вера побледнела так, будто я описала не контракт, а приговор.

— Ты не пойдёшь.

— Пойду.

— Мил, это...

— Я знаю. — Я открыла шкаф и провела пальцами по пальто. — Альтернатива записана в пункте восемь: клиника отца. Ты читала про «Каре». Он не блефует.

— Тогда мы оспариваем...

— С чем? — Я повернулась. — С моей подписью? С камерами в лифте? С тем, что я сама поставила всё?

— С принуждением!

— Каждую фишку я ставила сама. Он не тащил меня силой. Я пошла за ним.
Вера остановилась. Посмотрела — долго, как на перекрёстном допросе.
— Ты его защищаешь?

Я не ответила. Молчание оставалось единственным аргументом, который она не могла процитировать в суде.

— Милена!

— Я защищаю цифры. — Я села и открыла ноутбук. — Если я не явлюсь, долг вернётся, отец останется без клиники, а я попаду в отчёт для прокуратуры. Ты хочешь этот Excel?

Она молчала, я тоже. Так мы всегда спорили: Вера словами, я их отсутствием. Она привыкла выигрывать напором, но если я замолкала, решение уже было принято.

— Ты когда-нибудь перестанешь прятаться за работой? — тихо спросила она.

Я пожала плечами. Любой ответ нарушал бы молчание и, возможно, пункт девять.

— Я хочу, чтобы ты не...

— Не что?

Она не договорила. Губы дрогнули. Вера, которая умела отругать любого, вдруг не нашла слов. Это было хуже крика.

— Ладно, — сказала она тихо. — Что я могу.

— Ничего, — сказала я. — Пункт девять.

— Чёрт с пунктом девять.

— Вера.

— Я твой друг, не приложение к договору.

— Тогда будь другом. — Я положила пальцы на клавиатуру, но не нажала ни одной клавиши. — Не звони каждый час. Не приезжай в «Каре». Не говори отцу больше, чем он знает.

— А если он...

— Если он убьёт меня — ты первая подашь в суд. — Я посмотрела на неё. — Шучу. Он не тот тип. Он тот, кто ждёт, пока ты сама придёшь в полночь.

— Это не лучше.

— Знаю.

Вера села напротив и крепко взяла мою ладонь, словно готовила меня к удару тока.

— Одно «нет» за ночь, — сказала она. — Запиши где-нибудь. Напоминание. Если станет...

— Пункт пять. Одно «нет» за ночь. — Я не отняла руку. — Запомнила.

— Ты уверена?

— Нет. — Честность оставалась единственным бесплатным товаром. — Но явлюсь уверенной. Он этого ждёт.

— Монстр.

— Аудитор, — сказала я. — Три года назад он проиграл мне. Теперь требует реванша.

Вера выдохнула. Отпустила руку.

— Я оставлю еду в холодильнике. Суп. Пирог. Не спорь.

— Не буду.

— И... — она помолчала. — Если понадобится, позвони. Даже если нельзя. Отправь одну цифру, и я приеду.

— Если приедешь, я нарушу пункт девять. Ты мне дороже контракта. Поэтому сегодня не звони первой.

Она встала. У двери — обернулась.

— Мил. Ты не идиотка.

— Бессердечная, — напомнила я её любимое выражение.

— Моё выражение — потому что я вижу, как ты ломаешься и молчишь.

Дверь закрылась. Комната будто стала тяжелее.

Я села за ноутбук. Суп подождёт; сейчас мне была нужна строка четыреста двенадцать в «Лотосе», работа и привычное лицо, которое она мне давала.

Вера звонила ещё дважды, но я не брала. На сообщения тоже не отвечала. Не из злости: каждое её слово оставляло трещину в броне, которую мне предстояло носить до полуночи.

В два позвонил отец. Я смотрела на экран и не перезванивала. Его «прости» нельзя было записать в цифры; оно не лечило и не кормило.

В одиннадцать пришло сообщение от «Север-Аудит»:

«Орлова. Завтра 10:00 — кабинет Крылова. Срочно.»

Желудок сжался. Крылов мог увидеть конфликт интересов раньше, чем я успею придумать объяснение. Пункт семь давал мне сорок восемь часов, но впервые срок не успокаивал, а подгонял.

Я посмотрела на часы. До полуночи оставалось тринадцать часов.

До разговора с начальником оставалось меньше времени, чем до минуты, когда под пальто придётся оставить только кожу.

Я записала в блокнот: *10:00 Крылов. Ниже: 23:55. Лифт Б.*

Глава 6 · Офис

Кабинет Крылова пах дешёвым одеколоном и страхом подчинённых. Я пришла в девять пятьдесят: опоздание на встречу с властью — уже минус в графе «доверие».

— Орлова, — сказал он, не поднимаясь. — Садитесь.

Я села, выпрямила спину и спокойно положила ладони на колени. Нервничать можно было внутри; Крылову этого видеть не требовалось.

— «Лотос» — в срок, — начала я.

— Позже. — Он сдвинул папку. Логотип «Золотого Каре» — золото на чёрном, как фишки. — Объясните.

Я не моргнула.

— Объяснить что?

— Почему вчера вечером наш крупнейший потенциальный клиент запросил вас лично на проект «Каре-2». Почему в запросе указано: «старший аудитор Орлова, без замены». И почему служба контроля получила уведомление о конфликте интересов от юристов «Каре», а не от вас.

Внутри всё заledenело, но я только кивнула.

— Я должна была сообщить в течение сорока восьми часов. Сорок восемь часов не истекли с момента... возникновения конфликта.

— С момента подписания чего? — Крылов наклонился. — Орлова, я не идиот.

— Договора залога долга, — сказала я. Факты, без оправданий. — Личный долг. Не фирмы. «Каре» — кредитор. Я — сторона. Проект «Каре-2» — профессиональное пересечение. Я пришла сообщить до истечения срока.

Он смотрел. Я выдержала.

— Вы понимаете, — сказал он медленно, — что проверять их — это как...

— Как проверять человека, который держит ваш договор на столе, — закончила я. — Да. Понимаю.

— Вы должны были отказаться от проекта.

— Пункт семь контракта: профессиональная деятельность не приостанавливается. Отказ от «Каре-2» — нарушение с их стороны трактуется как...

— Не цитируйте мне его контракт, — резко сказал Крылов. — Я читал заключение службы контроля. Девяносто ночей, Орлова. Это шутка?

— Для меня — нет.

Крылов постучал ручкой по папке. За окном серела деловая Москва.

— Варианты, — сказал Крылов. — Одно: вы снимаетесь с «Каре-2», мы ставим другого, вы в отпуске без содержания, пока... пока что-то там не закончится. Два: вы ведёте проект под двойным контролем, каждую страницу подписывает второй партнёр. Три: увольнение по статье о конфликте интересов и репутационном риске.

— Три — не вариант, — сказала я. — Ипотека. Отец.

— Жаль, что не подумали об этом за столом четырнадцать.

Удар — точный. Я не ответила. Не дала ему увидеть, что попал.

— Два, — сказала я. — Двойной контроль. Служебную записку подготовлю сегодня.

— Сегодня, до конца дня. И, Орлова... — он открыл ящик. Внутри лежал конверт с моим именем. — Это пришло утром. Курьер «Каре».

Я взяла. Внутри — карточка, чёрная, без логотипа. Только номер и строка от руки — не его почерк, но стиль — его:

«23:55. Лифт В. Пальто. Большие ничего. — Л.В.»

Крылов смотрел на мою реакцию. Я положила карточку в сумку, как квитанцию.

— Личное, — сказала я.

— Надеюсь. Потому что если это попадёт в HR — я вас не защищу.

— Не защищайте. — Я встала. — Записка будет к пяти.

В общем зале шептались. Коллеги умели чують кровь и лишнюю запятую в отчёте.

— Мил, — Лена из второго отдела. — Правда, что «Каре»...

— «Лотос», — сказала я. — Дедлайн. Потом — поговорим.

Никогда — не поговорим.

За столом я одновременно писала служебную записку и правила «Лотос». Пальцы работали сами, а в голове чернела карточка из сумки: 23:55, за пять минут до полуночи.

Записка вышла сухой: конфликт раскрыт, запрошен двойной контроль, личное обязательство отделено от ответственности фирмы. В три служба контроля согласовала. Партнёр Мишин будет подписывать каждую страницу как свидетель сделки, которую я сама бы не заключила. В коридоре он посмотрел на меня не со злостью — с любопытством. «Каре-2» — карьера. Я — залог.

В обед не выходила. Булка из сумки — без вкуса. Вера написала:

«Как Крылов?»

«Жива. Работаю на двух стульях.»

«Мил...»

«Не сейчас.»

В пять записка была у Крылова. Он не ответил. Достаточно.

После шести — «Лотос» до последней запятой. Пальцы работали механически. В голове — 23:55. Партнёр Мишин ушёл раньше, кивнул в коридоре и ничего не спросил.

Я ехала домой в метро — толпа, запах металла, чужие плечи. Пальто — в сумке, не на мне. Сегодня — ещё можно быть человеком в белье и платье под курткой.

Дома — душ. Волосы — высушила. Платье — в шкаф. Пальто — на крючке у двери, единственное разрешённое.

Семь вечера сменились восемью, потом девятью.

Не ела — желудок закрыт, как файлы с грифом «секретно». В десять — отец, пропущенный. Не перезванивала. Пункт девять — не обсуждать. Даже «прости» — обсуждение.

В 23:30 я стояла перед зеркалом в ванной. Сняла всё и надела пальто на голую кожу. Ткань осталась единственным барьером между мной и первым пунктом. В горле пересохло, а от кожи пахло маминым лавандовым мылом.

В 23:40 я положила в сумку ключи и телефон. Туфли оставила дома: он их не разрешал.

23:45. Я села на край кровати и ждала. Не включала телевизор. Не читала. Считала вдохи, как перед закрытием квартала.

23:50. Экран не мигал. Карточка в сумке — дубликат. Он не дублирует без причины.

23:52. Телефон вспыхнул. Сообщение пришло не с номера на карточке, а с другого, который я не сохраняла и уже знала наизусть:

«23:55. Лифт В. Пальто. Большие ничего.»

Я положила телефон на колени. Три минуты тянулись, как три года между проверкой и столом четырнадцать.

Пальцы — на верхней пуговице. Под пальто — голая кожа, уже привыкшая к идее наготы, ещё не к реальности. Стыд — не в теле. В голове: завтра на работе — Мишин, Крылов, «Лотос». Сегодня — сорок седьмой.

Я не заказывала такси. Знала: он закажет. Или уже заказал.

За окном — Химки, огни, обычная ночь. Через три минуты чёрная машина остановилась у подъезда.

Глава 7 · Первое сообщение

Через три минуты после сообщения я встала и застегнула пальто до верхней пуговицы. Оно было моей последней одеждой и последней дверью.

В сумку я положила только телефон и ключи. Ни помады, ни пропуска, ни запасного плана. Вера предлагала помощь, но я отказалась. Девятый пункт начинался с молчания.

Зеркало в прихожей осталось сбоку. Я не останавливалась. Аудитор не смотрит на убытки до закрытия квартала.

Когда я закрыла дверь квартиры, часы показывали 23:55. Медленный подъездный лифт пах сыростью и чужим табаком. Я спускалась босиком по лестнице, чувствуя холод плитки каждой ступнѣй. Только это и напоминало, что тело пока моѣ.

У подъезда ждало чѣрное такси без пашек. Я его не заказывала.

— «Карѣ», — сказала я водителю.

Водитель кивнул. Дверь закрылась с тихим щелчком, как сейф на сорок седьмом. Кожаное сиденье холодило даже через пальто. Новая машина ещѣ не набрала чужих запахов.

Под потолком горела красная точка маленькой чѣрной камеры. Наверняка его. Я смотрела в окно на Химки, потом на ТТК и огни, которым было всѣ равно, кто сидит под пальто.

Телефон лежал в сумке экраном вниз. Сообщение из восьми слов не нуждалось в подписи: инициалы Л.В. и так отпечатались в памяти.

«23:55. Лифт В. Пальто. Большие ничего.»

«Большие ничего» означало буквально отсутствие белья, платья и даже туфель, пока он не решит иначе. Восемь слов вместили весь третий пункт.

Я повторила про себя пункт два: полночь, пятнадцать минут, фиксация. Если считать от назначенного времени, я уже опаздывала на две минуты. Лев всегда считал точно.

Водитель молчал, радио не работало. Я слышала только мотор и собственное дыхание, которое выравнивала, как отчет перед сдачей.

В 00:02 такси остановилось у служебного входа «Карѣ». Ночью здание выглядело иначе: огни приглушили, главный зал оставили тем, кто ещѣ проигрывал. Меня ждала боковая дверь без очереди и музыки.

Химки остались далеко за спиной. Впереди ждали стекло и золото, которое здесь не украшало, а принимало ставки.

Меня встретила другая хостес, не та, что дежурила вечером проигрыша. Она улыбнулась профессионально и без любопытства.

— Лифт В, — сказала она.

— Знаю.

— Орлова?

— Да.

Она отметила ответ кивком, словно поставила галочку в журнале. Здесь не спрашивали зачем и не разглядывали пальто, а сверяли имя со списком, которого я никогда не видела.

Внутри прохладный воздух казался плотнее уличного. Красные точки камер загорались через каждые десять метров. Я привыкла, когда за моей работой следят, но сейчас проверяли не работу.

Длинный коридор глушил шаги ковром и пах кожей, озоном, кондиционером. Духами я не пользовалась. От меня оставались только запах кожи и пальто.

На стене горела одна камера, на повороте другая. Я шла ровно и не ускорялась. Босые ступни тонули в ковре; обувь мне выдадут там, где сочтут нужным.

Костя ждал у лифта В в костюме и с наушником. Увидев меня, молча открыл дверь.

— Орлова.

— Костя.

— Опоздание на две минуты. — Он не упрекал, а фиксировал. — Пальто остаётся на вас до сорок седьмого. Потом выполните указание кредитора.

Я кивнула. Вошла.

Ростовое зеркало показало чёрное пальто, карие глаза и сжатые губы. Под тканью не было ничего, и это знание весило тяжелее самой одежды.

На полу стояла коробка с моей фамилией. Внутри лежали чёрные балетки точного размера. Знал Лев или угадал, уже не имело значения.

— Обувь, — сказал Костя.

Я обулась. Пальцы не дрожали. Гордость — последняя одежда до пуговиц на пальто.

Мягкие балетки хранили чужое тепло. Точный размер выдавал обо мне больше, чем я хотела отдавать незнакомой коробке.

— Лифт В — только кредитор и залог, — сказал он, не глядя. — Запомните.

— Запомнила.

Двери закрылись, лифт поехал. Двенадцать, двадцать два, тридцать два. С каждым этажом лёд в животе становился тяжелее. Это был не азарт, а долг.

Я смотрела на цифры над дверью, а не на отражение. Женщина в пальто ещё могла притвориться, что едет на работу. Цифры говорили правду: сорок, сорок пять, сорок семь.

Зеркало показывало: женщина в пальто, которое скоро перестанет быть одеждой и станет документом — снятым, сданным, архивированным.

— Сорок седьмой, — сказал Костя на 45-м. Голос — в наушник, кому-то наверху.

42. 44. 46.

47.

Двери открылись — сразу в зал. Стекло от пола до потолка. Москва — внизу, огни как фишки после чужой победы. Свет — приглушённый. Стол — накрыт. Два места. Свечи — низкие, воск — без запаха, только тепло на расстоянии.

Костя остался в лифте. Двери — почти закрылись. Я — одна на пороге.

На сорок седьмом слышно было, как гудит вентиляция. От стола тянуло запечённой рыбой и лимоном.

И он.

Лев Воробьёв стоял у окна в рубашке и тёмных брюках, без галстука. Когда он повернул голову, из-под воротника показалась белая черта шрама.

Не подошёл. Ждал. Как три года назад в кабинете: я подошла к столу, он — нет. Тогда была проверка. Сейчас он смотрел, будто сверял меня с описью.

— Минус две минуты, — сказал он, не оборачиваясь. — В следующий раз — раньше.

Я стояла в дверях лифта. Пальто — единственное, что ещё отделяло меня от пункта один. Балетки — на мне. Больше ничего — уже под кожей.

Он обернулся и медленно провёл взглядом от моего лица до края пальто. Я знала такой взгляд: так оценивают то, что уже считают своим.

Комната — тёплая, кондиционер — тихий. Рыба на столе — запах ещё не дошёл до меня. Сначала — он. Потом — всё остальное.

Я сделала шаг из лифта. Балетки — мягко, без скрипа. Расстояние до стола — шесть метров. До него — больше. Он не двигался. Ждал, пока я сама пересеку порог — как в зале, как в суде, как в контракте.

Пальцы — на верхней пуговице, ещё не расстёгиваю. Последняя секунда, когда я — одетая. Последняя секунда, когда «нет» — ещё не произнесено и не пропущено.

Он не торопил. Не подходил. Ждал, как в зале, когда я поставила всё. Тогда я думала, что контролирую риск.

— Снимите, — сказал он.

Глава 8 · Ночь 1

— Снимите, — повторил он.

Я взялась за пуговицы. Первая поддалась легко, на второй пальцы стали непослушными, третью пришлось искать на ощупь. Пальто соскользнуло с плеч, и я поймала его у локтей, будто этим ещё могла что-то прикрыть.

Протянула ему. Он повесил на крючок у двери. Не касался меня. Ткань — барьер, который секунду назад был единственным.

Я осталась голой на сорок седьмом этаже. Холод от кондиционера прошёлся по коже, стянул соски и добрался до внутренней стороны бёдер. Там к холоду примешалось тепло. Чёрт, почему моё тело решило откликнуться именно сейчас, под его молчаливым взглядом?

Даже на расстоянии от стекла тянуло холодом. За ним равнодушно горел город. Здесь — только он, я и стол, накрытый для делового ужина.

— Руки опустите.

Я подчинилась, хотя ладони так и тянулись прикрыться. Подбородок подняла выше, чем позволяла храбрость.

Он медленно обошёл меня, не касаясь. Взгляд задержался на спине, талии, изгибе бёдер. Отсутствие прикосновения мучило сильнее ладоней: я не знала, где он остановится и остановится ли вообще.

— Повернитесь.

Я повернулась. Щеки — огонь, который не виден сзади. Его дыхание — близко к макушке, не к коже.

— Страх видно.

— Пункт шесть. Вопрос?

— Бойтесь?

— Нет.

— Ложь. Ещё раз.

— Да.

— Хорошо. — Он отступил. — Страх честнее бравადы. Садитесь. Ужин.

Я пошла к столу в одних балетках. Прохладный пол заставлял чувствовать каждый шаг, а в тишине каблучков не требовалось: я всё равно слышала себя слишком отчётливо.

На столе ждали рыба, овощи и вода без вина. Ужин выглядел подчеркнуто будничным, и от этого моя нагота казалась ещё неприличнее.

Я села. Скрестила ноги — бессмысленно. Он видел всё.

— Ешьте.

— Сами?

— Уже.

— Приказ?

— Напоминание. — Он сел напротив. — Вы теряете вес — теряете силы. Мне нужны девяносто ночей, не скелет.

— Забота кредитора.

— Ешьте.

Я ела под его взглядом. Есть не хотелось, но я послушно жевала, чувствуя, как стыд поднимается от груди к лицу. Он не велел раздвинуть ноги и не потянулся ко мне. Просто смотрел, и я ненавидела себя за влажное тепло, которое от этого становилось сильнее.

Рыба — без соуса, но свежая, с лимоном. Вода — лёд, стекло — холодное под пальцами. Он не ел — только смотрел, как я жую, как будто это тоже строка в отчёте: *потребление · подтверждено*.

— Медленнее, — сказал он раз. — Не глотайте страх.

Я замедлилась. В горле — ком, но рыба прошла. Овощи — хруст, слишком громкий в тишине сорок седьмого.

— Почему кормите? — спросила я, когда тарелка опустела.

— Голодная вы не злая, а слабая. Мне это не нужно.

— Значит, вам нужна сильная и купленная?

— Честная. — Он взял мою ладонь и развернул запястьем вверх.

Пальцы — на внутренней стороне. Пульс под кожей предавал меня. Он считал без часов и насмешки. Большой палец лежал на артерии, остальные не сжимали — удерживали.

— Сто двадцать восемь, — сказал он. — Высоко.

— Вы...

— Не сегодня. Никакой кровати. Только запястье.

Пальцы сдвинулись — миллиметр. Кожа — огонь там, где минуту назад был только страх. Я не отдернула. Не потому что нельзя. Потому что отодвинуть — признать, что чувствую.

Он смотрел не на лицо — на запястье. Считал снова. Потом отпустил — резко, без нежности.

Между нами остались гул кондиционера, запах воска и мой пульс, который он уже не держал, но помнил.

— Завтра — зеркало, — сказал он. — Сегодня — привыкание.

— Привычка к чему?

— Приходить. Раздеваться. Ждать.

— Я не думала...

— Тело думало.

Взгляд — короткий, между ног. Я сжала бёдра. Поздно. Тепло там — тихое, одно, которое не спросило разрешения.

— Не прячьтесь. Я всё равно вижу.

Он встал. Прошёл к панели. Дверь в спальню — приоткрыта. Кровать — белая, огромная. Простыни — идеальные, без залома. Я — не смотрела долго. Смотреть — привыкать. Привыкать — проигрывать.

— Костя — через пять минут. Пальто. Такси.

— Две ночи — не два часа, — сказала я. — Вы сказали в контракте...

— В контракте — полночь. Не продолжительность. — Он накинул пальто мне на плечи, не обнимая. Ткань была тёплой от его рук. — Сегодня — ужин и запястье. Достаточно для первой ночи.

— Достаточно для чего?

— Чтобы вы вернулись. — Он стоял близко, пах виски и чистой рубашкой, но не касался. — Я не тороплюсь.

Я застегнула пуговицы не сразу. Под пальто кожа ещё помнила холод и его взгляд.

— Это манипуляция.

— Это пункт два. — Он нажал кнопку лифта. — Девяносто ночей.

Лифт — открыт. Костя — у двери, молча. Пальто — на его руке, пока я обувалась. Такси — внизу, та же чёрная машина.

01:11 — когда я села на заднее сиденье. Камера — красная точка. Город — пустой. Балетки — на ногах. Пальто — застёгнуто. Под ним — голая правда.

В машине пришло сообщение:

«Ночь 1 · исполнена. Ночь 2 · 00:00. Пальто.»

Учёт. Не «спокойной ночи». Не «до завтра». Только график.

Вера — пропущенный в 01:20. Не открывала. Пункт девять. Даже для неё — особенно для неё.

Дома — почти кипящий душ. Вода жгла кожу, которой он не касался, кроме запястья. Там всё ещё оставалось ощущение его пальцев.

Я легла, но не уснула. Между ног всё ещё было влажно, точно и унижительно. Душ не помог, и хуже всего оказалось признать: меня возбудило не то, что он сделал, а то, как долго он ничего не делал.

На кухне я записала рядом с «Лотосом»: 89. Ниже — его обещание.

Завтра — зеркало.

Глава 9 · Ночь 2

День перед второй ночью прошёл за «Лотосом». Кофе остывал, на мониторе тянулись строки, в одной из которых клиент «случайно» потерял ставку. Крылов прошёл мимо и коснулся спинки моего стула в знак одобрения. Раньше это радовало; теперь я невольно вздрогнула, словно он прикоснулся к тому, что уже считал своим другой мужчина.

Вера звонила в обед:

— Ты снова идёшь?

— Пункт два.

— Мил. Одна фишка — и уходим. Помнишь?

— Помню. — Я не сказала, что фишки уже нет, а вместо неё появился контракт.

Отец прислал сообщение вместо звонка: *«Доченька, как ты?»* Я не ответила. Стыд лежал отдельным грузом не в пальто, а под ним.

К половине двенадцатого я приняла душ, надела пальто и балетки. Из ванной на меня смотрела женщина с тёмными кругами под глазами и упрямо сжатыми губами. Я накрасила их не для него, а для себя: маска должна была удержать лицо, когда тело уже выучило маршрут.

Такси пахло кожей сидений и чужим одеколоном водителя. Город мок после дождя, фонари лежали жёлтыми пятнами на асфальте. Я держала пальто на коленях, как папку с документами, которые нельзя мять.

У входа в «Каре» блестело золото, охранник встретил меня безымянным кивком. Костя молча ждал у лифта Б. Балетки ступали бесшумно, а пальто оставалось единственной преградой между мной и сорок седьмым.

Дверь открылась в другой свет: здесь не ждали ни ужин, ни переговоры. В центре зала стояло безжалостное зеркало в чёрной раме. Я увидела себя раньше, чем Лев заговорил.

— Снимите.

— Пункт три, — сказала я, пальцы уже на пуговицах. — Вы сказали «снимите». Не «цитируйте».

Я повесила пальто у двери. Холодный воздух коснулся сосков, бёдер и чувствительной кожи между ними. В зеркале отражались два человека: он оставался одетым, а я стояла перед ним без единственной возможности солгать собственному телу.

— Подойдите.

Я подошла, но не коснулась холодного стекла. Он стоял сбоку на расстоянии вытянутой руки.

— Смотрите.

— Я вижу.

— Не на меня. На себя.

Карие глаза устали после двенадцати часов за таблицей, губы сжались. Соски напряглись от холода или от него; я не могла различить и стыдилась этой неопределённости.

— Чего боитесь?

— Пункт шесть. Вопрос.

— Ответ.

— Вас.

— Неправда. — Его тёплое дыхание не касалось кожи. — Снова.

Я смотрела на отражение: ключицы, живот, бёдра, которые неделю назад были только цифрами в отчёте. Шрам — у него, на ключице, я видела вчера, когда он повернул голову у стола.

— Того, — сказала я наконец, — что тело согласится раньше, чем я.

Зеркало молчало. Лев тоже выдержал секунду, затем принял ответ без одобрения и жалости.

— Честно. — Пальцы мягко легли на шею и приподняли подбородок. По коже предательски побежали мурашки. — Хорошо.

— Завтра — платье, — сказал он. — Сегодня — слова.

— Какие?

— Скажете «хватит», если понадобится. «Да», когда будете готовы. — Он отступил на полшага. — Пока молчите.

Его губы приблизились к мочке уха, но не коснулись. От горячего дыхания колени дрогнули; я выпрямилась силой, которой не учат на проверках.

— Лев...

— Воробьёв, — поправил он. — Или «кредитор». Не «Лев».

— Воробьёв, — повторила я.

— Развернитесь.

Я повернулась к нему, и расстояние исчезло, как долг, который уже нельзя вернуть фишками. На рубашке была расстёгнута одна пуговица, у воротника белела линия шрама.

— Можно? — спросил он.

— Вы не спрашиваете по контракту.

— Сейчас — спрашиваю.

В горле пересохло.

— Спросите конкретнее.

— Поцелуй. Только губы, ниже не коснись.

— Да.

Согласие сорвалось раньше, чем я успела его обдумать. Щёки обожгло: я не просто разрешила, я хотела, чтобы он наконец перестал откладывать этот поцелуй.

Он поцеловал меня не жадно, а мучительно медленно: прижал мою верхнюю губу, скользнул по нижней и снова отстранился на миллиметр. Я потянулась следом. Языка он не позволил, удерживая границу сам, и запрет заставил меня хотеть её нарушить.

Пальцы легли в мои волосы и просто держали. Я упёрлась ладонями в его грудь; сердце под рубашкой билось быстро, и это открытие опьянило сильнее поцелуя. Второй вышел короче. На третьем Лев едва прихватил нижнюю губу зубами, и у меня подогнулись пальцы на ногах.

Он отступил первым. Влажные губы выдали бы нас зеркалу, если бы я обернулась.

— Достаточно, — сказал он.

— Достаточно для кого?

— Для второй ночи. — Он протянул пальто. — Остальное будет завтра.

Я надела пальто. Под тканью тело пульсировало там, где он не касался: в животе, на внутренних сторонах бёдер, в месте, которое контракт не называет, а пункт пять защищает словом «нет».

— Завтра — платье, — сказал он у лифта. — На кровати. Цвет — мой выбор.

— Пункт три.

— Именно.

Лифт — зеркало в дверях, другое, меньшее. Я не смотрела. Костя — такси. Дом — один час сорок.

В ванной — зеркало над раковиной. Губы краснее, чем помада, которой я не пользовалась. Я провела пальцем — соль, его вкус, виски без сахара.

Между ног — влажность, одна, точная, невозможная для игнора. Стыд — острее, чем вчера на запястье. Вчера он остановился сам. Сегодня — я сказала «да» на поцелуй и не сказала «нет» на остальное, что тело уже успело начать.

Я умылась холодной водой, но губы всё равно горели. Впервые меня пугало не то, что Лев мог сделать по контракту, а то, о чём я сама попросила бы, если он снова остановится слишком рано.

Сообщения не было. Не нужно: *ночь третья, платье* — я знала, как знаю дедлайн «Лотоса».

Я легла, прижав пальцы к распухшей губе. На экране светилось новое сообщение:

«Завтра. Бордовое платье. Без белья.»

Глава 10 · Ночь 3

Утром после зеркала губы всё ещё помнили Льва. На работе я наредила их по привычке и тут же стёрла помаду салфеткой, будто вместе с цветом могло исчезнуть вчерашнее «да».

На втором мониторе ждал «Лотос». Я вцепилась в работу, потому что без неё оставались только голая кожа под пальто и пульс, который он считал на запястье.

Крылов остановился у моего стола.

— Орлова, завтра финал. Не подведите.

— Не подведу.

Он посмотрел внимательнее.

— Вы бледная.

— Не спала.

— Хорошие сотрудники иногда спят.

— После сдачи.

Крылов ушёл, не улыбувшись. Я открыла письмо клиента и десять минут читала одну строку.

В обед съела у окна сухую булку. Телефон молчал: ни отца, ни Веры, ни Льва. Полночь всё равно приближалась, напоминание ей не требовалось.

К одиннадцати я приняла душ, сложила в сумку балетки и надела пальто на голое тело. Перед выходом задержалась у зеркала. От одной мысли о сорок седьмом соски напряглись. Тело готовилось раньше меня, и это раздражало.

Таксист всю дорогу слушал ночные новости. За стеклом проплывали чужие кухни, освещённые окна, женщины в домашних футболках. Их жизнь казалась почти неприлично нормальной.

В «Каре» Костя встретил меня у лифта Б.

— Добрый вечер, Милена Сергеевна.

Он уже знал имя. Я не спрашивала откуда.

На сорок седьмом двери открылись прямо в зал. Спальня была видна через широкий проём. На белой кровати лежало бордовое платье из тонкого шёлка, без лямок. Белья рядом не было.

Лев стоял у окна с бокалом виски.

— Наденьте. Потом выходите.

Я прошла в спальню. Дверь оставалась открытой, но он отвернулся к городу. Такое уединение было условностью: весь этаж принадлежал ему, даже воздух.

Платье скользнуло по телу сначала холодом, потом согрелось. Подол заканчивался на середине бедра. Ткань облегла грудь и талию так плотно, что скрыть реакцию тела было невозможно.

Я вышла босиком.

Лев поставил бокал и медленно осмотрел меня. Не торопясь, без похвалы. Под этим взглядом платье стало прозрачнее, хотя оставалось плотным.

— Повернитесь.

Я развернулась к нему спиной.

— Медленно.

Пришлось сделать полный круг. Мрамор охлаждал ступни, шёлк двигался по ягодицам. В стекле отражалась незнакомая женщина в бордовом: не аудитор, не дочь, не человек, который ест булку у офисного окна.

— Ещё четверть оборота.

Я довернулась и замерла боком.

— Хватит.

— Осмотр закончен?

— Пока да.

Хотелось прикрыть грудь руками, но это выглядело бы признанием. Я опустила ладони вдоль тела.

— Подойдите.

Я остановилась перед его креслом.

— Цвет ваш? — спросил Лев.

— Нет.

— Чей?

— Платье принадлежит вам.

— Я спросил про цвет.

— Сегодня ваш.

— Хорошо.

Он сел, оставив меня стоять.

— Поднимите подол на два пальца.

— Пункт пять касается контакта, не одежды.

— Верно. Поэтому вы можете отказаться.

Я взялась за ткань и подняла её ровно на ширину двух пальцев. Открылось колено и белый детский шрам у края.

— Ещё на один.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, остановитесь ли там, где решили.

Я подняла подол ещё немного. Открылась внутренняя сторона бедра. Живот светло, хотя он не прикоснулся.

— Достаточно.

Ткань упала. Кожа под ней продолжала гореть.

— Вы выбирали платье для меня?

— Да.

— Почему бордовое?

— Вы всё проверяете в чёрном. Сегодня долг должен быть видимым.

— Долг красный?

— Долг любого цвета, если его нельзя спрятать.

Он прошёл мимо так близко, что рукав почти коснулся моего плеча.

— Ужин.

На столе ждали рыба, овощи и вода. Никаких свечей. Мы ели как люди, которым выдали пайки перед долгой сменой. Лев спрашивал о «Лотосе», я отвечала односложно. Каждый раз, когда меняла позу, шёлк скользил по голой коже и напоминал, что под ним нет защиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.